

Три парадигмы правового познания: к юбилею профессора А. В. Полякова

Разуваев Николай Викторович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры гражданского и трудового права
Кандидат юридических наук, доцент
nrasuvaev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена 60-летию юбилею профессора кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского государственного университета, доктора юридических наук Андрея Васильевича Полякова. В статье освещены некоторые основные идеи коммуникативной теории права, создателем которой является Поляков. При этом коммуникативная теория права А. В. Полякова рассматривается в контексте процессов, характеризующих развитие юридической науки, которой, как и для любых других наук, присуща последовательная смена парадигм познания. В статье выделяются три таких парадигмы, а именно: доклассическая, классическая и постклассическая. Автор полагает, что идеи Полякова, являющегося наиболее известным представителем постклассической теории права в России, стимулируют смену парадигм правового познания и тем самым способствуют преодолению кризисных явлений в юридической науке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

коммуникативная теория права, парадигма, постклассическое правопонимание, А. В. Поляков

Razuvaev N. V.

Three Paradigms of Juridical Knowledge: to Anniversary of Professor A. V. Polyakov

Razuvaev Nicolay Victorovich

North-West Institute of Management — the branch of Russian of National Economy and State Service (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Civil and Labor Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
nrasuvaev@yandex.ru

ABSTRACT

Article is dedicated to the 60-year anniversary of the professor of the chair of theory and law history and state of St. Petersburg State University, doctor of juridical sciences Andrey Vasilyevich Polyakov. In the article are analyzed some basic ideas of the communicative theory of law, creator of which is A. V. Polyakov. In this case the communicative theory of law by A. V. Polyakov it is considered in context of the processes, which characterize the development of the juridical science, by which, as for any other sciences, is inherent the sequential change of the paradigms of knowledge. In the article are separated three such paradigms, namely pre-classical, classical and post-classical. The author assumes that ideas of A. V. Polyakov, who is the best-known representative of the post-classical theory of law in Russia, they stimulate the change of the paradigms of lawful knowledge and thus contribute to overcoming crisis phenomena in the juridical science.

KEYWORDS

the communicative theory of law, paradigm, post-classical understanding of law, A. V. Polyakov

Коммуникативная теория права, создателем которой, с полным на то основанием, может считаться А. В. Поляков, является крупнейшим достижением российской юридической науки последнего десятилетия, придавшим исключительно мощный и плодотворный импульс к развитию как фундаментальных, так и прикладных правовых

исследований. Думается, не станет преувеличением утверждать, что концепция, разработанная А. В. Поляковым, вполне сопоставима в указанном отношении с либертарно-юридической теорией В. С. Нерсисянца, также открывшей в свое время новую страницу в истории отечественной правовой мысли, вызвав активные дискуссии и породив многочисленные интерпретации. Свидетельством сказанному является уже один тот факт, что коммуникативная теория в последнее время привлекает к себе повышенное внимание российских и зарубежных исследователей, снова и снова обращающихся к ней в поисках решений самых актуальных проблем, стоящих перед юриспруденцией¹.

Будучи событием в научном плане поистине революционным, коммуникативная теория права одновременно может рассматриваться и в качестве глубоко закономерного итога процессов, характеризующих современный этап развития не только юридического или социально-гуманитарного знания, но и научного познания в целом. Речь идет о переходе к постклассической парадигме, в рамках которой правовая реальность, подобно любым иным видам реальности, начинает рассматриваться в качестве специфического продукта познавательной активности субъектов и коммуникативных взаимодействий между ними. Подобное представление сформировалось вследствие осознания теоретико-методологической слабости и уязвимости объективистского подхода к восприятию реальности, присущего классическому естествознанию и иным классическим наукам, видевшим в последней нечто, не зависящее в своих сущностных характеристиках и проявлениях от человеческого познания и практической деятельности.

Между тем представляется очевидным (по крайней мере, в контексте постклассических идей), что объективная реальность как таковая представляет собой своего рода абстракцию. Ведь быть реальным всегда означает быть реальным *для субъекта*, занимая определенное место в его интенциональном восприятии внешнего мира². Учитывая сказанное, представляется возможным сделать вывод о том, что всякая реальность во всех ее проявлениях имеет *либо субъективный, либо intersубъективный* характер. Это касается, разумеется, и реальности правовой, являющейся продуктом коммуникации членов общества, а также самого права, выступающего инструментом такой коммуникации.

Есть все основания полагать, что для юридических наук, в особенности для теории права, переход к постклассической парадигме с ее фундаментальными установками служит важным стимулом дальнейшего развития, способствующим преодолению кризисных явлений, присущих правовому познанию в наши дни [9, с. 136–153]. Не случайно именно в теории права последних десятилетий особую важность приобрела проблема определения четких критериев научности правового познания. Ее решение позволило бы ответить на вопрос, является ли теория права самостоятельной наукой или же она, в лучшем случае, может рассматриваться в качестве специализированного раздела социологической теории, а в худшем — представляет собой совокупность псевдопроблем и подлежит вытеснению, с одной стороны, философией и социологией права, а с другой, — отраслевыми юридическими дисциплинами.

Ответ на вопрос, является ли теория права наукой, может быть дан, исходя из следующей общей предпосылки. Любая наука на каждом этапе своего развития характеризуется наличием определенной системной установки, задающей критерии и идеалы познания, а также определяющей круг решаемых проблем. Такие систем-

¹ Всестороннему обсуждению различных аспектов коммуникативной теории посвящено, в частности, юбилейное издание, приуроченное к 60-летию А. В. Полякова [4].

² Значение категории интенциональности как основной характеристики сознания раскрывается в работах Э. Гуссерля [3, с. 261 и др.], Ж.-П. Сартра [10, с. 318–320] и ряда других представителей феноменологической философии.

ные установки, на примере классического естествознания XVII–XVIII вв., в общих чертах были рассмотрены Т. Куном, давшим им название научных *парадигм* [5, с. 11]. И хотя теория парадигм не принимает во внимание эволюцию гуманитарного знания, существуют достаточные основания полагать, что в истории гуманитарных наук также можно констатировать смену парадигм, аналогичную той, что имела место в истории естествознания. Иными словами, наличие и смена парадигм является, на наш взгляд, тем критерием, который отличает науку от донауки, не науки, а также различных практических форм человеческой деятельности.

Можно утверждать, что юридические науки, включая теорию права, не отличаются в указанном отношении от других наук — как естественных, так и социально-гуманитарных. Историю правовой мысли также можно представить в виде последовательной смены парадигм, определяющей динамику и рост научного знания [8, с. 4–5]. Причем до известного момента парадигма правового познания в целом была тождественной парадигмам, существовавшим в других науках. Так, в период своего становления в Древнем Риме юриспруденция мыслилась как наука нормативная, к тому же имеющая чисто прикладную направленность, чьей главной целью являлось не выявление общих закономерностей, присущих правовой реальности, а описание и каталогизация конкретных случаев (казусов) и выработка на их основе предписаний, как в таких ситуациях надлежит поступать. Таким образом, бесспорными являются как прескриптивность, так и практическая ориентированность правовой науки на раннем этапе ее развития. Сходными чертами характеризовались и другие науки древности — в том числе и те, которые в настоящее время рассматриваются в качестве эталона научности, подобно математике и лингвистике.

Сформировавшаяся в античный период парадигма научного знания (назовем ее *доклассической*) сохраняет свое значение для юриспруденции и в дальнейшем, вплоть до эпохи Нового времени, когда заметно активизировался интерес к римскому праву и трудам римских юристов, опыт и идеи которых оказали значительное влияние на западноевропейскую политико-правовую мысль XVII–XVIII вв., а затем были положены в основу кодификаций частного права. Нетрудно заметить, что даже в современных условиях юриспруденция, в том числе и теория права, сохраняет некоторые черты, характерные для доклассической мысли, в том числе ярко выраженный *догматизм* и *нормативизм*, входящие в явное противоречие с господствующими представлениями о специфике научного дискурса. Отмеченные особенности правовой науки все чаще заставляют говорить о ее кризисе, не в последнюю очередь порожденном отставанием юриспруденции не только от естественных, но и от некоторых наиболее развитых социально-гуманитарных наук (в первую очередь от таких, как экономическая теория, социология или лингвистика).

Это объясняется тем, что уже в XVII в. научное знание перестраивается на качественно новых началах, в результате чего формируется *классическая парадигма*, получившая, как известно, свою наиболее полную реализацию в естествознании, в силу чего именно естественные науки, прежде всего физика, становятся в рамках данной парадигмы образцовыми. При этом разительное отличие классической науки от науки доклассической состояло в принципиально новом понимании законов, открытие которых считалось основной целью познания. Если в доклассической парадигме закон мыслился как предписание, подлежащее практическому применению, то в рамках парадигмы классической он представлял собой констатацию причинно-следственных связей, имеющих объективный и всеобщий характер.

Отсюда проистекали присущие классической естественнонаучной парадигме *объективизм* и *детерминизм*, продиктованные представлением о том, что любые природные процессы имеют непрерывный характер, в них нет места каким-либо скачкам, равно как и изменениям, не обусловленным предшествующими состояниями систе-

мы. При этом для всех изменений в конечном итоге существуют внешние пределы, задаваемые пространственно-временными характеристиками самой Вселенной. И хотя идея развития, *эволюции* первоначально не была присуща классической науке, она появляется с переносом физико-космологических моделей на объекты живой природы и человеческие социумы, которые, в отличие от Вселенной, могут рассматриваться в качестве систем, проявляющих динамику как в пространстве, так и во времени.

Основным постулатом классической парадигмы в общественных науках явилось представление об обществе как особого рода объективной реальности, не зависящей от сознания и воли отдельных, единичных индивидов, являющихся членами этого общества. Как и в природе, в обществе действуют объективные и непреложные законы, определяющие его развитие, именно эти законы выступают предметом научного познания. Социальная эволюция представляет собой однолинейное поступательное развитие, разделенное на ряд стадий, закономерно вытекающих одна из другой, так что в конечном итоге, зная законы исторического развития, можно не только описать эти стадии в диахронной ретроспективе, но и предсказать пути эволюции в будущем. Естественно, что классическая парадигма, получившая распространение в общественных науках, не могла не реализоваться и в юриспруденции, включая теорию права. Следует, однако, заметить, что в юридической науке практически не существует классических трудов, по своему влиянию и значимости сопоставимых с произведениями Н. Коперника, И. Ньютона, А. Смита, Ч. Дарвина или М. Вебера. Единственным исключением, возможно, являются «Три книги о праве войны и мира» Г. Гроция [2], ставшие наиболее полным и всесторонним выражением классического подхода в науке о праве.

Вместе с тем основные идеи, образующие классическую парадигму в юриспруденции, могут быть сформулированы достаточно отчетливо. Важнейшей из них, на наш взгляд, является объективизм, выступающий своеобразной модификацией объективизма, присущего декартовско-ньютоновскому естествознанию, применительно к социально-правовой реальности. Ярчайшим его проявлением выступало убеждение юристов в том, что право и правовая реальность представляют собой объективную данность, не зависящую от сознания и воли отдельных индивидов, являющихся субъектами этой реальности. Пространство правовой реальности (как одно из измерений социального пространства), следовательно, имеет столь же абсолютный характер, как и пространство Вселенной в классической физике. В этом пространстве, как его необходимый момент, действуют объективные всеобщие законы, причем действуют они безотносительно к субъективному, в том числе познавательному, опыту, задача которого состоит лишь в том, чтобы эти законы уяснить и адекватно сформулировать, дав в качестве предварительного условия общее определение права [11, с. 12].

Подобные представления, вполне соответствующие классическим моделям и образцам XVII–XIX вв., оказались неприемлемыми в наши дни, когда не только в физике, но и в ряде социально-гуманитарных наук состоялся переход от классической парадигмы познания к парадигме *постклассической*. Причем впереди снова оказалось естествознание, пережившее научную революцию с созданием теории относительности А. Эйнштейна и квантовой механики Н. Бора. Как следствие, появилась возможность рассматривать человеческое сознание не в качестве простого созерцателя, пассивно регистрирующего происходящие в природе процессы, но как их активного участника, выступающего необходимой онтологической предпосылкой и условием определенности этих процессов.

Данные выводы хорошо согласовывались с идеями, высказанными в трудах Дж. Беркли, Д. Юма, Э. Маха, Б. Рассела, Э. Гуссерля и др. Критикуя объективизм, присущий классической теории познания, представители данной философской традиции рассматривали в качестве единственной достоверной реальности, до-

ступной для восприятия, субъекта, его сознание и опыт, на основе которого конструируется внешний мир во всем своем многообразии. Сказанное, впрочем, отнюдь не означает полного разрыва постклассической философии и науки с теми мировоззренческими основаниями, на которых зиждилась классическая парадигма. Некоторые из них были сохранены, однако радикальным образом переосмыслены и переориентированы на человека, ставшего отныне онтологическим и гносеологическим центром реальности, в том числе и реальности физической, природной. Как следствие, важнейшей чертой формируемой постклассической мыслью картины мира остается *монизм*, требующий сведения всего многообразия феноменов реальности к единому бытийному основанию. Однако в качестве такого основания рассматриваются теперь не «материя», не «абсолютный дух» или иные внеположенные субъекту и потому проблематичные начала, а сознание и опыт самого человека. Вот почему постклассический монизм уместнее всего будет назвать *субъективным*, в отличие от объективного монизма (идеализма или материализма), присущего классической парадигме.

Но если природа в рамках постклассической парадигмы приобрела человеческое измерение, то тем более оправданным и необходимым подобный мировоззренческий переворот сделался применительно к реальности социальной и правовой. К середине минувшего столетия полностью доказало свою несостоятельность представление об обществе как некоем надындивидуальном целом, своего рода «второй природе». По мнению сторонников постклассической парадигмы в социологии, общество имеет процессуальную природу, представляя собой сложную и динамичную конфигурацию взаимоотношений между индивидами [1, с. 30–31; 12; 13, р. 3; 14, р. 85]. Социальную реальность, следовательно, нельзя считать объективной: она *интерсубъективна* и непрерывно создается индивидами в процессе коммуникативных взаимодействий. Общество же как целое, а равно и все его институты, представляют собою *конструкции*, закрепляемые в различных знаковых системах, к числу которых следует, как показал А. В. Поляков, относить и нормативные системы, включая право [6, с. 27–45].

В итоге происходит отказ от характерных для классического эволюционизма представлений о непреложных законах социального развития, детерминирующих человеческую историю на всех ее этапах, и о строго линейном, однонаправленном процессе социальной эволюции. История превращается в процесс заранее неопределенный, имеющий вероятностный характер и зависящий от социальных взаимодействий своих агентов. Вот почему историческое развитие — от отдельных обществ до всего человечества в целом — *потенциально* имеет множество вариантов и альтернатив, а переход на каждую новую ступень этого развития представляет собой выбор одного из этих вариантов, совершаемый в условиях неопределенности. Так называемые «законы истории», следовательно, являются вторичным, и во многом побочным, продуктом деятельности субъектов исторического процесса.

Иными словами, социологи, действующие в рамках постклассической парадигмы в общественных науках, пришли к тому же выводу, к которому несколько ранее пришли физики. Суть его состоит в том, что законы не описывают реальность, но *создают* ее, являясь инструментом организации и осмысления данных интерсубъективного опыта, из которых эта реальность конструируется. Таким образом, формирование постклассической парадигмы в социогуманитарных дисциплинах приводит к кардинальному изменению критериев научности, что, в свою очередь, повлекло за собой новый рост научного знания. А поскольку теория права имеет дело с социальной реальностью в одном из ее важных измерений, было бы логично ожидать, что этот переворот отразится и на ней. Приходится, однако, констатировать, что становление постклассической теории права далеко от своего завершения. Отсутствие же необходимого философско-методологического фунда-

мента правовых исследований, соответствующего современному уровню развития научных знаний, выступает, на наш взгляд, одной из причин того кризиса, который переживает теория права в нашей стране.

Вместе с тем попытки преодоления постигнутой теорией кризиса в настоящее время активно предпринимаются многими учеными, предлагающими собственные концепции, призванные интегрировать теоретико-правовой дискурс в постклассическую картину мира с ее основополагающими мировоззренческими постулатами. Среди них наибольшей разработанностью, полнотой и всесторонним характером обладает именно коммуникативная теория права А. В. Полякова. Даже беглое знакомство с основными идеями, высказанными исследователем, неоспоримо свидетельствует об их принципиальной оригинальности и новизне. В центре внимания Полякова находится коммуникация как конституирующее свойство правовой реальности, однако коммуникация, по мысли ученого, не следует понимать просто как обмен информацией. Коммуникация вообще и правовая коммуникация в частности есть сложный процесс социального взаимодействия членов общества направленный, в идеале, на достижение взаимопонимания и консенсуса и в этом смысле включающий в себя ценностно-нормативное измерение.

Следовательно, право, понимаемое как коммуникативный процесс, выступает, по мнению А. В. Полякова, важным средством достижения общественного согласия, и основной его целью является минимизация тех противоречий, которые, разумеется, неотъемлемо присущи всякому обществу. Однако без правовых (а также иных коммуникативных) механизмов, обеспечивающих взаимопонимание членов общества, такие противоречия становятся непреодолимыми и губительными для общества и, что самое главное, для его членов. Право, иными словами, не навязывается индивидам извне, в качестве некоей не зависящей от них внешней силы, а создается ими самими. Поэтому важнейшей характеристикой права следует считать *не принудительность, а убедительность*, обеспечиваемую выполняемой им смыслообразующей функцией. Подобный подход к пониманию права нуждается в специфической дефиниции последнего, причем такая дефиниция с необходимостью будет являться *интегративной*. В отличие от иных, более традиционных определений, она не акцентирует внимание на отдельных элементах права (нормах, правоотношениях, ценностях и т. п.), а рассматривает право как целостность, как необходимое единство всех элементов, сквозь призму тех функций, которые оно выполняет, и прежде всего функции коммуникативной.

Отсюда следует вывод об ограниченности традиционных (классических) типов правопонимания, будь то позитивизм или юснатурализм, акцентирующих основное внимание на отдельных сторонах, свойствах и признаках права в ущерб его восприятию как целостности, творимой членами общества в процессе intersubjectивной коммуникации. Нельзя не согласиться с мнением ученого о том, что право, «понятое как коммуникация, не нуждается в подпорке из позитивистских или естественно-правовых схем. Идея коммуникации в этом смысле самодостаточна. В ее основе лежит представление о необходимости. Другого как соучастника творения правовой реальности при одновременной „заданности“ такой реальности „объективными“ правовыми текстами» [7, с. 21]. Признание же ограниченности классических типов правопонимания, в свою очередь, стимулирует их более или менее кардинальный пересмотр, обеспечивающий становление нового, постклассического, правопонимания, с одной стороны, вобравшего в себя все лучшее, что было в классической теории права, а с другой стороны, обогатившего его новыми идеями, в том числе воспринятыми и у других (естественных и социально-гуманитарных) наук.

Иными словами, коммуникативная теория права приобретает особое значение именно в контексте постклассической парадигмы научного, в том числе правового, познания, с которой она самым непосредственным образом связана. Появление

данной теории стало, таким образом, грандиозной вехой, ознаменовавшей переход от классической юриспруденции к юриспруденции постклассической, у истоков которой стоит А. В. Поляков.

Литература

1. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. Изд. 2-е. М. : Академический проект, 2005.
2. Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая. Общее введение в чистую феноменологию. М. : Академический проект, 2009.
4. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции : колл. монография : в 2 т. / под ред. М. В. Антонова и И. Л. Честнова. СПб. : Алеф-Пресс, 2014.
5. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977.
6. Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.
7. Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. СПб. : Юридическая книга, 2009. С. 9–42.
8. Поппер К. Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики / под ред. В. Н. Садовского. М. : Эдиториал УРСС, 2000.
9. Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. 2014. № 5. С. 136–153.
10. Сартр Ж.-П. Основная идея феноменологии Гуссерля: интенциональность // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии / отв. ред. Т. А. Кузьмина. Рига : Зинатне, 1988. С. 318–320.
11. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: социально-философское исследование. Изд. 2-е. М. : УРСС, 2010.
12. Etzioni A. *The Active Society*. New York : Free Press, 1968.
13. Giddens A. *Central Problem of Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. London : Macmillan, 1979.
14. Touraine A. *Social Movement and Social Change // The Challenge of Social Change* / ed. O. F. Borda. London : Sage, 1985.

References

1. Giddens A. *The Constitution of Society: The Outline of Theory of Structuration* [Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii]. M. : Academic Project [Akademicheskii proekt], 2005.
2. Grotius G. *On the right of war and peace* [O prave voiny i mira]. M. : Ladomir, 1994.
3. Husserl E. *Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy*. Book One. General of introduction into pure phenomenology [Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaya. Obshchee vvedeniya v chistuyu fenomenologiyu]. M. : Academic Project [Akademicheskii proekt], 2009.
4. *Communicative theory of right and the contemporary problems of jurisprudence* [Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennye problemy yurisprudentsii] : collective monograph : in 2 v. / ed. by. M. V. Antonov and I. L. Chestnov. SPb. : Aleph-Press [Izdatel'skii Dom «Alef-Press»], 2014.
5. Kuhn T. *Structure of scientific revolutions* [Struktura nauchnykh revolyutsii]. M. : Progress [Progress], 1977.
6. Polyakov A. V. *The normativeness of juridical communication* [Normativnost' pravovoi kommunikatsii] // Jurisprudence [Pravovedenie]. 2011. № 5. P. 27–45.
7. Polyakov A. V. *Farewell to the classics, or as a possible communicative theory of law* [Proshchaniye s klassikoi, ili kak vozmozhna kommunikativnaya teoriya prava] // Russian annual of the theory of the right [Rossiiskii ezhegodnik teorii prava]. 2008. № 1. SPb. : University's Publishing Consortium "Juridical Book" [Universitetskii izdatel'skii konsortsium "Yuridicheskaya kniga"], 2009. P. 9–42.
8. Popper K. R. *Evolutionary epistemology* [Evolutsionnaya epistemologiya] // Evolutionary epistemology and the logic of social sciences. Karl Popper and its opponents [Evolutsionnaya

- epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk. Karl Popper i ego kritiki] / ed. by V. N. Sadovsky. M. : Editorial URSS, 2000.
9. Razuvaev N. V. *Contemporary theory of law in search of the post-classical paradigm of the knowledge* [Sovremennaya teoriya prava v poiskakh postklassicheskoi paradigmy poznaniya] // Jurisprudence [Pravovedenie]. 2014. № 5. P. 136–153.
 10. Sartre J.-P. *Basic idea of Husserl's phenomenology: intentionality* [Osnovnaya ideya fenomenologii Gusserlya: intentsional'nost'] // Problems of ontology in the contemporary bourgeois philosophy [Problemy ontologii v sovremennoi burzhuaznoi filosofii] / ed. by T. A. Kuzmina. Riga : Zinatne, 1988. P. 318–320.
 11. Stammer R. *Economy and right from the point of view of the materialist understanding of the history: the social-philosophical study* [Khozyaistvo i pravo s tochki zreniya materialisticheskogo ponimaniya istorii: Sotsial'no-filosofskoe issledovanie]. 2nd ed. M. : URSS, 2010.
 12. Etzioni A. *The Active Society*. New York : Free Press, 1968.
 13. Giddens A. *Central Problem of Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. London : Macmillan, 1979.
 14. Touraine A. *Social Movement and Social Change* // The Challenge of Social Change / ed. O. F. Borda. London : Sage, 1985.